

Татьяна ЛЕСТЕВА

ДЕТСТВО¹.

*По книгам Веры Андреевой
и Ольги Андреевой-Карлайл²*

Вера в воспоминаниях напишет так: «Я безгранично доверяла верности маминых мнений, суждений и критических замечаний. Мы с Тинем с каким-то благоговением смотрели на маму, и не могло быть и тени какого-нибудь сомнения в правильности её слов или поступков. Мама всегда была права» (стр. 156). Однако Вере с помощью Сергея Эфрона — мужа Марины Цветаевой, с которой довольно тесно общалась в Париже Анна Ильинична, удалось убедить её разрешить вернуться во Вшеноры, чтобы заканчивать гимназию вместе со своим классом, её охватывал страх при мысли об учёбе во французской гимназии с плохим знанием языка и совсем без оных по нелюбимой математике, к тому же... в Праге оставалась и первая подруга по гимназии и — первая любовь Веры.

Описание этого года самостоятельной жизни шестнадцатилетней девушки в самую холодную зиму, пожалуй, самая романтизированная часть воспоминаний, где есть и уход её из пансиона на снятую квартиру, и болезнь, и холод, и голод, и раскаяние с последующим возвращением в гимназию... Читаю, и перед глазами встают трагические страницы из повести Вадима Андреева «История одного путешествия» о перипетиях его существования в Батуми с 7 по 18 марта 1921 года. Но если там веришь автору

¹ Продолжение. Начало см. журнал «На русских просторах» № 4 (55) 2023 стр. 255–256.

² Вера Андреева. «Эхо прошедшего»: Роман. — М. Советский писатель, 1986. — 384 стр. Содержание: «Дом на Чёрной речке», стр. 3–139, и «Эхо прошедшего», стр. 140–384.

Ольга Андреева-Карлайл. «Остров на всю жизнь. Воспоминания детства. Олерон во время нацистской оккупации», пер с франц. Л.Е. Шендеровой-Фок, послесловие Н.А. Громовой. — Москва: Изд. АСТ: редакция Елены Шубиной, 2021. — 281 с. илл. — (Чужестранцы).

буквально с первой буквы, то эти страницы «Эха прошедшего» Веры Андреевой мне показались эхом, докатившимся с батумских страниц старшего брата автора.

Но вернусь к тому времени, когда вызубрившая за пару месяцев весь курс последнего года пражской гимназии Вера с дипломом об её окончании возвращается к матери в Париж и томится от безделья. «Если бы спросили тогда меня — куда мне больше всего хочется поступить? — я бы сказала по совести, что в университет на филологический факультет, но, увы, такое учение было абсолютно неперспективным, кому я буду нужна со своим французским языком, когда в Париже 200 тысяч русских эмигрантов (...). Тогда если не филологический, то на медицинский, в Сорбонну, медицина меня всегда интересовала» (стр. 355–56). Сорбонна? Увы, Веру не спросили. Впрочем, я думаю, мысль о филологическом факультете Сорбонны и к самой Вере пришла уже в Советском Союзе, лет пятьдесят спустя после окончания ей гимназии.

Помощь пришла от старшего брата — Вадима: «... наши “родичи”, так мы называли семейство Вадима, дознались о каком-то удивительном Американском госпитале, при котором открыта школа сестёр милосердия. Там в продолжение трёх лет учениц совершенно даром, со всем содержанием (курсив мой — Т. Л.) учат медицинским наукам, они проходят практику тут же в госпитале и выходят высокооплачиваемыми специалистами» (стр. 356). Стоические усилия Веры, которой за месяц удалось вызубрить разговорный английский язык (Анна Ильинична устроила её бесплатной домработницей к семейству англичанки, жившей по соседству, которая разговаривала с ней только по-английски, так сказать, бартерная сделка), увенчались успехом, её зачислили в этот госпиталь, однако счастье оказалось недолгим, через полгода её отчислили, так как госпиталь не приносил прибыли. Вера отмечает, что *мама не стала её ругать* (задаю вопрос: а за что Анна Ильинична могла бы в данной ситуации *ругать* Веру?), а отправила её поступать в школу массажисток: «... будешь работать в водолечебницах, получать неплохие деньги. А богатые толстухи — они озолотят тебя, если ты своим массажем поможешь им похудеть» (стр. 364). Увы, ни водолечебниц, ни богатых толстух не оказалось в окружении Веры, знания которой «пригодились только несколькими знакомым дамам и маме», которой она иногда растирала спину (там же). Брат Валентин, работавший помощником садовника в туберкулёзном санатории, сказал ей, что там требуется уборщица. «Немедленно я отправилась к директору Клячкину, офранцу-

Вера Леонидовна с мужем
на ступенях мэрии после
регистрации брака

императорской кухни (sic!) счастье оказалось недолгим: санаторий продан, безработная Вера на полученную в санатории зарплату (там на полном пансионе её не на что было тратить) принимает приглашение американки Эми — соученицы из Американского госпиталя — погостить на Ривьере, где они жили на собственной вилле близь Антиба.

Вера отмечает, что на Ривьере много вилл американцев и англичан, не говоря уже об автомобилях. «Наших соотечественников на Ривьере тоже было много, но из-за своей бедности они не ходили в рестораны, выстроившиеся шеренгой вдоль набережной, они не жили в отелях, они не гуляли днём на пляже среди бездельничающей публики. Они добирались на курорт, чтобы работать мойщиками посуды в отелях и ресторанах, уборщиками» (стр. 367). Прожив полтора месяца в гостях «жизнью буржуа», Вера вернулась в Париж в статусе безработной, но опять устроилась в семью адвоката поваром и прислугой «за всё», то есть домработницей, иногда позируя его жене-художнице за дополнительную плату. Младший брат Валентин работал лифтёром в филателистическом клубе и открывальщиком дверей машин. К тощей зарплате добавлялся обед; и снова Вера «часто собирала для него остатки с праздничного стола» адвоката, из своей зарплаты порой покупала ему брюки или ботинки.

жившемуся русскому еврею, — тот благосклонно выслушал мой рассказ о том, как я училась в американском госпитале и как стремлюсь мыть полы и убирать комнаты в его санатории... Ура, меня приняли! Я была счастлива...» (стр. 365). Вот уж поистине счастье! Был доволен и полуголодный Тин, получавший в столовой один обед. Вера «научилась очень ловко собирать в кухне-столовой целые нетронутые порции отказавшихся от еды хилых пациентов... Набрав целый поднос всякой изысканной снеди, я относила его в “охотничий павильон”, где, уже щёлкая зубами, поджидал меня братец» (стр. 366). Но и у разочарованного Клячкина с поваром из

А Анна Ильинична? Она негодует, узнав из телеграммы из Праги, что у Нины родился сын, который может называть её бабушкой: — Бабушкой?! Никогда! Только Аней. В Париже она расторгла договор с тётёй Наташей, которая дала слово Леониду Андрееву никогда не бросить его семью, т. е. Анну Ильиничну с детьми, так как Ане будет трудно одной ухаживать за детьми. Вследствие этого Анне Ильиничне приходилось платить ей небольшие деньги. Дети выросли, должны зарабатывать на жизнь сами, — считала любящая мать, — разумеется, кроме Саввки, который учился в Академии изящных искусств, — доходы от книг и постановок Леонида Андреева упали... Она пристраивает обиженную на неё до конца тётю Наташу домработницей в семью Марины Цветаевой, прекратив выплаты по договору. Сама же, по-прежнему, музицирует, тем более что появился её двоюродный брат Коля с красивым тембром голоса: она ахает, что готова целыми днями аккомпанировать, лишь бы был красивый голос. И, по-прежнему, стремится к общению с людьми творческими или околотворческими: после Марины Цветаевой она сближается с дочерью Л.Н. Толстого — Татьяной Львовной, «необыкновенно умной, эрудированной женщиной (ой), с которой можно было часами беседовать на всевозможные темы, как абстрактные, так и сугубо житейские» (стр. 380). Савве удалось пробиться в хореографическое училище Фокина.

Несколько страниц в романе Вера посвящает и старшему брату. Вначале о первой встрече в Берлине (стр. 164–165): «Однажды мы застали у нас в доме нашего старшего брата Вадима. Оказывается, он был в каком-то путешествии на Кавказе. Почему на Кавказе и что это было за путешествие, мы понятия тогда не имели³. Он был совсем взрослым, красивым. (...) под носом торчали небольшие усики. Кроме этих усов мне нравилось у Вадима всё, хотя он стал равнодушным к нам и даже немного надменным. Оно и понятно: мы всё ещё были мелюзгой. К тому же он был поэт! Такое наименование его деятельности нам казалось очень странным. (...) Живого поэта, да ещё в образе собственного брата, нам ещё не доводилось встречать, и мы отнеслись к Вадиму очень скептически.

Особенно нам не нравилась его манера читать стихи. Раньше он читал их просто, без всякого пафоса. А тут! Боже мой, сквозь страшные, заунывные завывания можно было с трудом докопаться до смысла даже таких нам хорошо известных стихов (...) Нам

³ Это «путешествие» Вадим Андреев досконально описал в повести «История одного путешествия: повести», Москва, Советский писатель, 1974.

было очень неловко во время его чтения. Хотелось смеяться, но это было неприлично, и мы только краснели, отворачиваясь стыдливо» (стр. 164–65).

Позже в Париже Вадим, женившись на Ольге, приёмной дочери эсера Чернова (в девичестве Колбасиной), жил в двухэтажном домике у тётки — Ольги Елисеевны Черновой. Вера цитирует отрывок из его письма в Рим, где в то время жила Анна Ильинична о женитьбе: «“Нет счастливее меня в подсолнечном мире”. “Подсолнечном” зачёркнуто, сверху написано “подлунном!”» (стр. 320). Душевной близости с «родичами» не было, контакты с семьёй брата не было: «Нас отталкивало, меня в особенности, несколько пренебрежительное отношение ко мне — или мне так казалось? — я ещё не доросла, чего-то недопонимаю, не знаю, путаю, в то время как они всё читали, всё знают, их ничем не удивишь. (...) С самим Вадимом было легко и просто: будучи значительно старше, значительно эрудированнее, начитаннее, он никогда не показывал своего превосходства, и я всегда с благодарностью выслушивала его поправки в написании или произношении некоторых слов и выражений в русском языке» (стр. 321). В то же время Вера критикует вышедшие в СССР романы В. Андреева, считая, что в них не хватает юмора, хотя он был очень остроумным человеком. Вера обильно снабжает свой роман бытовыми юмористическими сценами не только из детства, которое для неё закончилось с отъездом из Дома на Чёрной речке, но и из жизни в Европе, например о её уходе за пушистым котом Пуссэ адвоката.

Что же касается Анны Ильиничны, «она часто навещала “родичей”, отмечала эрудицию и ум своей приятельницы Ольги Елисеевны и могла часами с ней беседовать на разные темы» (там же). Пока Анна Ильинична часами ведёт беседы на разные темы, у Веры «...пустая и неинтересная жизнь в поисках работы, хоть какой-нибудь работы, лишь бы не быть дома, *не видеть маминого осуждающего лица*» (Курсив мой — Т.Л.) (стр. 374). Вера обращается к своей подруге по гимназии Тане Варламовой с просьбой подыскать для неё работу гувернантки, а сама снова работает прислугой «на всё», чтобы заработать деньги на проезд из Парижа в Прагу. Когда такое место нашлось у какого-то фабриканта на севере Чехии, ей было «весело» — свойство молодости — ехать в неизвестность, в новую жизнь.

На этом роман фактически заканчивается, хотя мне он представляется незаконченным. После *** следует небольшой абзац как бы послесловия. Опустив 26 лет новой жизни, «наполненной

страданиями и смертью, несбыточными надеждами и падениями в страшную бездну отчаяния», не говоря уже о воспоминаниях творчества отца, которые порой вкраплены в текст довольно большими цитатами, тоже следуя, вероятно, ранее опубликованным в СССР произведениям Вадима Андреева. Хирург в Острове сообщил роковой диагноз, что её 12-летний сын никогда не будет ходить — Вера Леонидовна Андреева, выросшая в лесах российской Финляндии, прожившая всю свою жизнь в различных европейских городах, сохранившая верность единственному своему исцелителю — своему «верному другу» и второму «я» — русскому языку, своему «русскому полю», единственная из детей Леонида Андреева вернулась в Советский Союз⁴. В конце 1986 год, год смерти единственной дочери Леонида Андреева.

⁴ **Биографическая справка.** В 1924 году Анна Ильинична с детьми переехали во Францию. Но через два года (в 1926 году) она решила вернуться в Чехословакию, где остались её друзья по гимназии. С небольшими перерывами Вера Леонидовна прожила в пригороде Праги 10 лет. В 1936 году она вышла замуж за русского эмигранта Григория Семёновича Рыжкова, вместе с которым училась в русской гимназии. До Октябрьской революции семья Рыжковых жила в Луганске, где отец мужа Семён Мартынович Рыжков служил учителем в заводском училище и его воспитанником в то время был будущий маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. Во время гражданской войны семья эмигрировала в Турцию, а уже оттуда переехала в столицу Чехословакии, где Семён Мартынович работал преподавателем в русской гимназии.

18 апреля 1936 года В.Л. Андреева и Г.С. Рыжков расписались в мэрии г. Праги. Григорий Семенович работал в различных строительных учреждениях, а Вера Леонидовна занималась воспитанием троих детей: Натальи, Андрея и Ирины. 16 лет Рыжковы прожили в Праге и 8 лет в Острове.

В 1950-х годах Вера Леонидовна всё чаще стала думать о возвращении на Родину, вероятно, к этому её подтолкнуло то, что Вадим Леонидович получил советский паспорт как участник французского Сопротивления. Она написала письмо бывшему ученику Семёна Мартыновича Рыжкова маршалу Ворошилову и попросила его помочь им с оформлением документов. В 1960 году семья покинула Чехословакию. Поселились Рыжковы в Орле недалеко от родного дома Леонида Андреева (пер. Володарский, бывший Воскресенский). В 1961 году Григорий Семёнович трагически погиб на стройке, а Вера Леонидовна переехала с детьми в Москву на Кутузовский проспект.

В Советском Союзе Вера Леонидовна Андреева-Рыжкова, подобно Вадиму Андрееву, который так и не вернулся в СССР, где публиковались его произведения, написала мемуарно-автобиографические книги «Дом на Чёрной Речке» и «Эхо прошедшего». Её рассказы и статьи публиковались в «Литературной газете» и «Орловской правде».

Похоронена Вера Андреева в Переделкино рядом с могилой Б. Пастернака. — Цит. по материалам <https://turgenevmus.ru/vera-leonidovna-andreeva-ryzhkova/?ysclid=lqh6yрem34645740789>.

Вера Леонидовна
Андреева

В обеих частях романа автор пишет о встречах со знаковыми деятелями культуры Серебряного века, с которыми их семье пришлось встречаться в эмигрантских кругах Берлина, Праги и Парижа: это и Марина Цветаева, и Чириков, и Бальмонт, и Саша Чёрный, и Татьяна Львовна Толстая, и ностальгирующий по России Александр Вертинский, не говоря уже о воспоминаниях творчества отца, которые порой вкраплены в текст довольно большими цитатами, тоже следуя, вероятно, ранее опубликованным в СССР произведениям Вадима Андреева. Эти мемуарные страницы представляют несомненный интерес,

поскольку многие имена были неизвестны советскому читателю, а некоторые неизвестны и до сих пор. Хотя, без сомнения, при написании книги Вера Леонидовна основывалась не только на своих детских и подростковых впечатлениях...

На протяжении всего романа у Вера Леонидовна нет даже намёка, не прозвучит ни малейшего упрёка в адрес Анны Ильиничны с её авторитарным методом воспитания детей, на грани тирании, особенно по отношению к Вере. (О взаимоотношениях Валентина с матерью речь практически не идёт.) Лишь единожды Вера Леонидовна отмечает, что идеалом матери была деловая женщина, но всё-таки констатирует, что сама Анна Ильинична не работала ни дня, всю её жизнь обеспечил Леонид Андреев. Да, Матильду-Анну Денисевич природа не наделила в полной мере материнскими чувствами. Знакомясь с воспоминаниями В. Андреевой, несомненно правдивыми, искренними — без литературных бантиков, невольно испытываешь к ней симпатию и сочувствие, чего не могу сказать о далеко неоднозначном образе её матери.

Продолжение следует.